

УДК 343.34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-137-144

Пшеничнов Илья Михайлович
Ilya M. Pshenichnov

кандидат юридических наук, начальник адъюнктуры
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), acting head of adjuncture
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: nataliailya@yandex.ru

Смирнов Евгений Анатольевич
Evgeniy A. Smirnov

следователь
Межмуниципальный отдел МВД России «Городецкий» (606502, Нижегородская обл., Городец, ул. Кирова, 5)

investigator
Inter-municipal department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Gorodetsky» (5 Kirov st., Gorodets, Nizhny Novgorod region, Russian Federation, 606502)

E-mail: smirnoeva1996@gmail.com

**К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма:
состояние, зарубежный опыт, пути совершенствования**

**On the issue of responsibility for propaganda and justification terrorism:
state, foreign experience, ways to improve**

Деформации сознания отдельных социальных групп способна привести к абсолютно непредсказуемым, в том числе к крайне негативным последствиям. Статья посвящена посягательству на общественное сознание, выражающемуся в насаждении и моральном оправдании идеологии террора, подготовке основ его распространения, формировании мнения об оправдании террористов и терпимости к их деятельности. Осуществляется компаративистское исследование отечественного и зарубежного законодательства об ответственности за данное общественно опасное деяние. Обозначаются проблемы действующей регламентации норм, направленных на противодействие указанному деянию террористического характера, а также предлагаются меры по их преодолению.

Ключевые слова: терроризм, пропаганда, оправдание, общественное сознание, ответственность, преступность, уголовное законодательство.

The deformation of the consciousness of certain social groups can lead to absolutely unpredictable, including extremely negative consequences. The article is devoted to the encroachment on public consciousness, expressed "in the imposition and moral justification of the ideology of terror, the preparation of the foundations for its spread, the formation of an opinion on the justification of terrorists and tolerance for their activities. A comparative study of domestic and foreign legislation on responsibility for this socially dangerous act is carried out. The problems of the current regulation of the norms aimed at countering the indicated act of a terrorist nature are outlined, and measures are proposed to overcome them.

Keywords: terrorism, propaganda, justification, public consciousness, responsibility, crime, criminal legislation.

© Пшеничнов И.М., Смирнов Е.А., 2020

В современном мире терроризм является одним из главных врагов человечества, практически все самые трагичные события последних нескольких десятилетий во многом связаны с различными проявлениями этого деструктивного феномена. Его транснациональные корни выступили причиной объединения международного сообщества в целях поиска наиболее оптимального пути противодействия этому негативному явлению, однако даже альянс ведущих держав оказался не способным полностью искоренить проблему. Более того, работа в указанном направлении нередко сводится лишь к ликвидации последствий уже произошедших взрывов, поджогов и иных насильственных актов. Общество остается незащищенным в полном объеме, что также способствует росту социальной напряженности и недовольства государственной властью. При этом необходимо понимать, что существующая ситуация усугубляется не столько за счет высокой организации, хорошей оснащенности и общей сплоченности обозначенных криминальных структур, сколько благодаря их «свободе» от норм закона, морали и нравственности. Их не ограничивает даже фундаментальная ценность человеческой жизни, которой они способны жертвовать для достижения своих целей, «право вето» не распространяется даже на несовершеннолетних и малолетних детей, которых вербуют в качестве смертников [1].

Вместе с тем, опасность здесь также кроется и в негативной деформации сознания отдельных социальных групп, согласно чему участники соответствующих преступных формирований начинают пользоваться особым уважением и почетом в родных общинах и своих кругах [2, с. 77]. В итоге подобное явление продолжило развиваться и дестабилизировать общественное сознание, представляя серьезную угрозу для национальной и международной безопасности. В связи с этим подобные обстоятельства повлекли за собой необходимость криминализации его отдельных проявлений, благодаря чему был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»», установивший уголовную ответственность за «*публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма*» [3]. Однако стоит за-

метить тот факт, что включение в диспозицию уголовно-правовой нормы ответственности за публичное оправдание терроризма является законодательной инициативой, не связанной с имплементацией конвенционных положений. Подобное решение выглядит вполне целесообразным и обоснованным превентивным ударом по одной из важнейших обеспечивающих составляющих элементов деятельности соответствующих преступных формирований. При этом речь ведется не просто о формировании нового антисоциального контингента, фактически происходит действительное посягательство на общественное сознание, выражающееся «в насаждении и моральном оправдании идеологии террора, подготовке основ его распространения, формировании мнения об оправдании террористов и терпимости к их деятельности и прочее» [4, с. 142].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) обозначенная норма была закреплена в статье 205² и фактически предназначалась для идеологов, активно занимающихся продуцированием терроризма. Безусловно, с момента ее законодательного закрепления никаких резких скачков в плане правоприменения здесь не происходило, однако все же стоит отметить весьма отчетливую и уверенную тенденцию к росту количества зарегистрированных подобных преступлений. Если в 2007 году был установлен только один подобный факт, то с 2016 года начала отчетливо прослеживаться тенденция по увеличению их количества в десятки и даже сотни раз. При этом можно проследить, что развитие информационных технологий дало серьезный толчок для активизации рассматриваемых категорий преступников, то есть выступило своеобразным катализатором их деятельности благодаря освоению фактически универсального средства для этого правонарушения.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что более 70% лиц, совершивших данное преступление, являются гражданами России, из чего допустимо сделать вывод, что данная проблема достаточно глубоко укоренилась в нашем обществе и требует своего обстоятельного разрешения. Одним из таких направлений справедливо выступает унификация уголовного законодательства, предполагающая минимизацию существующих недостатков и разночтений, тем самым приводя правоприменительную практику к единообразию. К сожалению, подобной цели в настоящее время не в полной мере отвечает технико-юридическая

конструкция статьи 205² УК РФ, чему во многом способствовали изменения, внесенные в Уголовный закон от 29 декабря 2017 года [5].

Согласно последним новеллам объективная сторона преступления, предусмотренного частью 1 статьи 205² УК РФ, была значительно расширена. В частности, в круг альтернативных деяний добавилась пропаганда терроризма, трактуемая как «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности» [6, прим. 1.1 ст. 205²]. Тем не менее, полагаем, что содержательный рост стал причиной существенных противоречий. Фактически нововведение является формой публичного призыва к террору, одновременно предполагающего оправдание его идеологии. Законодатель сформировал и предложил оптимальный термин, раскрывающий сущность данного преступления, однако вместо замены используемых словосочетаний унифицированной дефиниции в итоге была разработана необоснованная конкретизация, лишь вносящая путаницу в уголовный закон. Причиной этому, возможно, выступил тот факт, что в первом варианте вышеуказанного законопроекта отсутствовала инициатива по изменению статьи 205² УК РФ, идея состояла в совершенствовании совершенно другой нормы, о чем свидетельствует его изначальное наименование «О внесении изменений в статьи 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» [7]. И, соответственно, пояснительная записка к нему давала обоснование только по этому вопросу, тогда как идея с ответственностью за пропаганду терроризма появилась лишь спустя полгода в рамках отдельных поправок, не подкрепленных содержательной аргументацией и ее последующей оценкой.

Примечательно, что в этом ключе были выборочно учтены положения Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ, в пункте «е» части 2 статьи 3 которого осмысленно и детально раскрывается объективная сторона исследуемого нами посягательства, а именно: «пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [8]. Важно подчеркнуть, что в России криминализована ответственность за оправдание

терроризма, которая не содержалась в рекомендациях Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» по имплементации в национальное законодательство. Полагаем, что подобная законодательная концепция привела к расширению круга деяний, за которые установлена уголовная ответственность. Таким образом, данная трактовка способна обеспечить не только внутреннюю логику уголовного закона, но еще и его взаимосвязь с иными нормативными актами, то есть речь ведется о возможности систематизации национального законодательства в области противодействия обозначенному криминальному проявлению.

Данная норма направлена на охрану общественных отношений по защите общественной безопасности и предусматривает уголовную ответственность только за те призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма, которые осуществляются *публично*. В связи с этим обязательным признаком объективной стороны состава преступления является *способ совершения* — это публичная обстановка, которая, по нашему мнению, создает ключевую проблему для применения данной статьи. Определенные сложности также вызваны и тем обстоятельством, что в уголовно-правовой доктрине разработаны различные концепции к определению характера публичности.

Сотрудниками правоохранительных органов в процессе правоприменения доказывается конкретное количество лиц, в отношении которых осуществлялся призыв, оправдание или пропаганда. Так, 9 декабря 2015 года, находясь в Краснодарском крае, используя мобильное устройство, Шахбазов на своей общедоступной странице в сети «Интернет» разместил видеоролик «Как так можно слабо нервным не смотреть», содержащий призывы к экстремизму и насилию, совершению действий, направленных на насилие мусульманами по отношению к лицам, не исповедующим ислам. Указанный видеоролик просмотрели 25 человек. По результатам судебной экспертизы в размещенной видеозаписи с названием «Как так можно слабо нервным не смотреть» и в его высказывании: «Вперед ИГИЛ, я за них» имеются признаки публичного оправдания насильственных действий и идеологии насилия, а также публичного призыва к насильственной деятельности и признаки пропаганды насильственной деятельности [9].

Однако подобная позиция является не единственной. Некоторые правоведы опреде-

ляют публичность как действия в отношении неопределенного круга адресатов [10]. Чаще всего в процессе расследования и судебного разбирательства устанавливается, что с указанным материалом ознакомился *неограниченный круг лиц*, то есть используется общая формулировка. Так, *Магомедов 31 августа 2015 года, находясь по месту жительства, разместил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своей доступной для неограниченного круга лиц персональной странице в сети «ВКонтакте» информационный материал, содержащий публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма* [9].

Представляется, что подобная формулировка не позволяет провести критерий разграничения публичного распространения информации от непубличного. Полагаем, что под публичностью следует понимать обращение в отношении двух или более адресатов. Однако важным выступает случайный характер аудитории, публичная форма обращения к ней, возможность любого лица подключиться к ней. Считаем, что указанный критерий удобен для правоприменителей и в целом облегчает процесс квалификации подобных деяний. Кроме этого, в пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [11] указывается на то, что вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела.

В связи с этим следует ограничивать призыв к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма от подстрекательства в целях возбуждения желания совершения определенных действий у части населения. Указанные высказывания или обращения не содержат в себе склонения конкретного персонального лица или группы лиц к совершению конкретного террористического преступления, а также не несут в себе определенной конкретизации.

Субъектом публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма является вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 205² УК РФ, выражается виной в форме прямого умысла. Мотивы и цели на квалификацию содеянного не влияют.

Представляется, что доказывание субъективной стороны состава преступления вызывает определенные сложности в правоприменении. Указанная проблема связана с разграничением пропаганды или оправдания террористической деятельности от иных словесных высказываний и действий, с помощью которых человек выражает свое право на собственное мнение, закрепленное в высшем нормативном акте России. В связи с этим особую значимость приобретает заключение эксперта, способствующее отличию высказывания собственного мнения от конкретных форм словесных преступлений, влекущих уголовную ответственность.

Кроме того, рассматриваемое нами уголовно наказуемое деяние следует отличать от публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности по объективным и субъективным признакам. Возможны случаи, когда в действиях лица содержатся как признаки публичных призывов к террористической деятельности, так и экстремистской деятельности, в том числе публичные призывы к осуществлению действий, нарушающих территориальную целостность Российской Федерации.

Так, *при постановлении приговора окружной военной суд исключил из обвинения М. часть 1 статьи 282 УК РФ как излишне вменяемую, указав, что незаконные действия осужденного совершены с одним умыслом, направленным на распространение материалов и информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, обосновывающих и оправдывающих ИГИЛ, одной из целей которой, как установлено решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 года, является ведение так называемой священной войны (джихада) с неверными (кафирами) во всем мире, а поэтому они образуют единое продолжаемое преступление, предусмотренное специальной уголовно-правовой нормой — частью 1 статьи 205² УК РФ. На основании изложенного апелляционным определением Судебной коллегии приговор был изменен и действия М. переклассифицированы с частью 1 статьи 205² УК РФ на часть 1 статьи 282 УК РФ* [12].

Стоит констатировать тот факт, что преступления, предусмотренные частью 1 статьи 205² и статьей 282 УК РФ, посягают на различные объекты. В статье 205² УК РФ объектом пре-

ступления являются общественные отношения, охраняющие общественную безопасность, а в свою очередь в статье 282 УК РФ — это общественные отношения, охраняющие основы конституционного строя, конституционные права граждан, их честь и достоинство.

Имеются отличия и в объективной стороне составов преступлений. Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 205² УК РФ, выражается в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании терроризма. В свою очередь объективная же сторона преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, характеризуется действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, характеризуется определенной специальной целью — возбуждением ненависти либо вражды, а также унижением достоинства человека либо группы лиц по определенным признакам, указанным в диспозиции статьи 282 УК РФ.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что составы преступлений, предусмотренные статьей 282 и статьей 205² УК РФ, не находятся в конкуренции общей и специальной норм Уголовного закона по отношению друг к другу.

Поэтому действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды в отношении группы лиц по признаку отношения к религии, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», имеющие иной объект преступного посягательства, не охватываются составом преступления, предусмотренного частью 1 статьи 205² УК РФ, и влекут самостоятельную уголовную ответственность по части 1 статьи 282 УК РФ.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание и на позицию зарубежных стран по этому вопросу, которые зачастую вполне оправданно избегают тех технико-юридических конструкций, которые использованы в статье 205² УК РФ. Так, например, Уголовный кодекс Азербайджанской Республики говорит нам только о «публичных призывах к совершению соответствующих противоправных деяний, а также распространении материалов подобного содержания» [13]. Аналогичное решение было предпринято и Украиной. В свою очередь Киргизская Республика и

Республика Таджикистан последнюю часть заменили на «публичное оправдание терроризма» [14]. В примечании к статье 179 (3) Уголовного кодекса Республики Таджикистан [15] под публичным оправданием террористической деятельности понимается «публичная пропаганда о признании правильности идеологии и практики терроризма, предложения к подражанию и его поддержке». Примечательно, что действия в виде публичного оправдания террористической деятельности охватывают собой пропаганду этих идей и ее поддержание в сознании. А в статье 226-3 УК Киргизской Республики содержится разъяснение понятия «публичное оправдание терроризма», аналогичное отечественному законодательству. Наряду с указанным уголовно-правовым запретом, статья 226-6 предусматривает ответственность за публичное одобрение террористической или экстремистской деятельности путем публичных выступлений или с использованием средств массовой информации либо сети «Интернет». В примечании к указанной статье дается определение понятия «публичное одобрение», под которым следует понимать «публичное прославление или восхваление, в том числе восхищение, оправдание террористической или экстремистской деятельности». Получается, что в уголовном законе содержатся две уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за схожие деяния, объективная сторона которых разъясняется через идентичные понятия, подменяя друг друга, что вызывает сложности в разграничении указанных составов преступлений.

В законодательстве республик Казахстан и Туркменистан вместо этого использована категория «пропаганда» наряду с публичными призывами также без какого-либо официального толкования.

Помимо этого стоит отметить, что ряд государств, в частности, Республика Беларусь и Республика Узбекистан, вообще не стали криминализовать исследуемое делинквентное поведение.

В связи с этим можно заключить, что большинство стран ближнего зарубежья пренебрегло значимостью законодательной трактовки ключевых категорий, входящих в состав исследуемой преступной деятельности, что однозначно нельзя отнести к положительным аспектам вышеуказанных уголовных законов. В качестве исключения из общего правила выступила Республика Молдова, предусматривающая ответственность за «подстрекательство в

Пшеничнов И.М., Смирнов Е.А. К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма: состояние, зарубежный опыт, пути...

террористических целях, то есть распространение или доведение до сведения общественности иным способом сообщения с намерением, чтобы это сообщение склонило, или при осознании, что это сообщение может склонить к совершению преступления террористического характера» [16]. Однако имеющаяся категория представляется нам не вполне удачной, поскольку происходит дублирование положений, посвященных институту соучастия, что способно вызвать серьезные затруднения у правоприменителя. Кроме того, установлена ответственность за «публичное оправдание терроризма, то есть распространение или доведение до сведения общественности иным способом сообщения о признании идеологии или практики совершения преступлений террористического характера правильными, нуждающимися в поддержке или достойными подражания» [17].

Тем не менее изучение интернационального опыта позволяет заключить, что зарубежные законодатели стараются минимизировать использование в единой диспозиции конструкций, дублирующих либо непосредственно затрагивающих сущность и содержание друг друга. Альтернативные деяния не должны быть идентичными или лишь тождественными в какой-то отдельной части, в ином случае происходит наложение уголовно-правовых явлений, как правило, приводящее к дополнительным трудностям в правоохранительной деятельности.

С учетом вышеизложенного предлагается новая редакция статьи 205² УК РФ, целью которой выступает унификация соответствующих положений Уголовного закона, а также систематизация отечественного законодательства в области противодействия терроризму. В соответствии с этим из части 1 указанной нормы исключаются слова: «*Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или...*». Остается лишь категория «*пропаганда терроризма*», которая также предлагается для переименования настоящей статьи.

Вместе с тем, примечание 1 будет иметь следующее содержание: «*Под пропагандой терроризма понимается распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности*». Таким образом, примечание 1.1 подлежит исключению, в остальном норма остается без изменений.

Полагаем, что указанные нововведения без ущерба для сущности и содержания криминализованного деяния обеспечивают внутреннее единство данной нормы и исключают ее расширительное и неоднозначное толкование, тем самым способны повысить эффективность правоприменения Уголовного закона и в целом противодействия терроризму.

Примечания

1. Taliban Lures Children to Become Suicide Bombers // FARS News Agency. URL: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920431000907> (дата обращения: 17.08.2020).

2. Журавель В.П. Террористы-смертники: проблемы противодействия // Право и безопасность. 2010. № 3 (36). С. 76—84.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ст. 3452.

4. Пинкевич Т.В., Черных Е.Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 141—144.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму: федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1, ст. 29.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12 ноября 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму (об усилении ответственности за вовлечение в организацию и финансирование преступлений террористического характера): законопроект № 230595-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7> (дата обращения: 17.08.2020).

8. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

9. Решение Верховного Суда: определение № 203-Апу17-25 от 19.09.2017, Судебная коллегия по уголовным делам, апелляция. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/bbb54071c92bc603ed5ac24d45fd4f1c/> (дата обращения: 17.08.2020).

10. Агапов П.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публич-

ное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4—6.

11. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2020).

12. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2020).

13. Статья 214-2. Публичные призывы к терроризму // Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ). URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353#sub_id=214020000 (дата обращения: 17.08.2020).

14. Статья 226-3. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Уголовный кодекс Киргизской Республики от 1 октября 1997 г. № 68. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833#sub_id=2260000; статья 179 (3). Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности // Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#sub_id=1790000 (дата обращения: 17.08.2020).

15. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325#pos=1601;-58 (дата обращения: 17.08.2020).

16. Статья 279-2. Подстрекательство в террористических целях или публичное оправдание терроризма // Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по состоянию на 12 октября 2018 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#sub_id=279020000 (дата обращения: 17.08.2020).

17. Статья 279-2. Подстрекательство в террористических целях или публичное оправдание терроризма // Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#sub_id=279020000 (дата обращения: 17.08.2020).

References

1. Taliban Lures Children to Become Suicide Bombers. *FARS News Agency*. URL: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920431000907> (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

2. Zhuravel V.P. Suicide Terrorists: Problems of Counteraction. *Law and Security*, 2010, no. 3 (36), pp. 76—84. (In Russ.)

3. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law “On Ratification of the Council of Eu-

rope Convention on the Prevention of Terrorism” and the Federal Law “On Countering Terrorism”: federal law no. 153-FZ of July 27, 2006. *Collection of legislative acts of the RF*, 2006, no. 31, art. 3452. (In Russ.)

4. Pinkevich T.V., Chernykh E.E. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism: qualification problems. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3 (27), pp. 141—144. (In Russ.)

5. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in order to improve measures to counter terrorism: federal law no. 445-FZ dated December 29, 2017. *Collection of legislative acts of the RF*, 2018, no. 1, art. 29. (In Russ.)

6. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 no. 63-FZ (as amended on November 12, 2018). *Collection of legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

7. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in order to improve measures to counter terrorism (on strengthening responsibility for involvement in the organization and financing of terrorist crimes): bill no. 230595-7. *Legislative support system*. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7> (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

8. On countering terrorism: federal law on March 6, 2006, no. 35-FZ. *Collection of legislative acts of the RF*, 2006, no. 11, art. 1146. (In Russ.)

9. Decision of the Supreme Court: Determination no. 203-Apu17-25 dated 09.19.2017, Judicial Collegium for Criminal Cases, Appeal. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/bbb54071c92bc603ed5ac24d45fd4f1c/> (accessed 08.17.2020). (In Russ.)

10. Agapov P. V. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism: analysis of legislative innovation. *Criminal law*, 2007, no. 1, pp. 4—6. (In Russ.)

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 no. 1 “On some issues of judicial practice in criminal cases on terrorist crimes”. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

12. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation no. 3 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 14.11.2018). Access from the reference legal system “ConsultantPlus” Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

13. Article 214-2. Public appeals to terrorism. *Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999, no. 787-IQ)*. URL: http://online.zakon.kz/m/document/?Doc_id=30420353#sub_id=214020000 (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

14. Article 226-3. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism. *Criminal Code of the Kyrgyz Republic of October 1, 1997 no. 68*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?Doc_id=30222833#sub_id=2260000; article 179 (3). Public calls for committing crimes of a terrorist nature and (or) public justification of

Пшеничное И.М., Смирнов Е.А. К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма: состояние, зарубежный опыт, пути...

terrorist activities. *Criminal Code of the Republic of Tajikistan of May 21, 1998, no. 574*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#sub_id=1790000 (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

15. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325#pos=1601;-58 (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

16. Article 279-2. Incitement for terrorist purposes or public justification of terrorism. *Criminal Code of the Re-*

public of Moldova dated April 18, 2002, no. 985-XV (as amended on October 12, 2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#sub_id=279020000 (accessed 17.08.2020). (In Russ.)

17. Article 279-2. Incitement for terrorist purposes or public justification of terrorism. *Criminal Code of the Republic of Moldova dated April 18, 2002 no. 985-XV*. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#sub_id=279020000 (accessed 17.08.2020). (In Russ.)